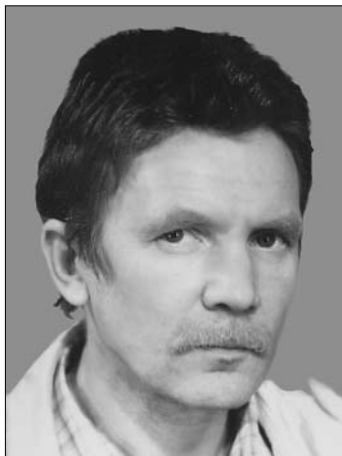

ВЛАДИМИР УРУСОВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ СОЛДАТЫ

ПОВЕСТЬ

Кёнигсберг

Третий Белорусский фронт, лишь слегка задев правым флангом разрушенные союзной авиацией кварталы Кёнигсберга, умчался куда-то в сторону Берлина. 64-я гвардейская стрелковая дивизия была оставлена в полосе II-й гвардейской армии Баграмяна на подступах к блокированной столице Восточной Пруссии.

В феврале и марте 1945 года, после задержки с окружением и ликвидацией укрепрайона “Инстербург”, дивизионные полки, доукомплектованные до полного состава, были разделены на штурмовые группы. Рота пехоты, усиленная самоходной артиллерией и танками, получила сапёрное сопровождение с кумулятивными зарядами для подрыва бетонных бункеров и пулемётных капониров, ранцевые и станковые огнёмёты “фог-2”. По стандартам центрального форта № 8 был оборудован захваченный на юго-западной окраине замок Вальдбург.

Именно там, в брезентовых кулисах зубчатой угловой башни, и развернулся пункт корректировки, управления огнём осадной артиллерии — рогатые перископы, дальномёры, КВ и УКВ рации, трофейные радистки и оловянные меченосцы, и тени их в стропилах по углам.

УРУСОВ Владимир Глебович родился в 1947 году в Калининградской области. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. Автор пяти сборников стихотворений, в том числе “Три любви — три степени свободы”, “Всплеск живой воды”, “Медленный ветер”. Член Союза писателей. Живет в Москве.

Набеги орд ливонцев и тевтонов, Ледовое побоище 1241 года, битва под Грюнвальдом 1410 года, Семилетняя война и натиск войск Наполеона — было чему длиться под рубищем изрубленных кирас.

— Гвардия Ротмистра? — откуда ни возьмись, протиснулся однажды в створы люка блуждающий в музейных дебрях особист или топограф. — Но где же ваши гаубицы и мортиры, Глебов?

— Под штабами в казематах. Рассредоточены по винным погребам.

В середине марта белая карта, развёрнутая на сукне бильярда, ожила и запестрела перелесками, садами и фольварками. Швейная фабрика, хлебозавод, кинотеатр, вторая лесопилка и больница, и соборы, соборы... И сталинских органов искушающий мотив — Победа.

Город был забит войсками и сдаваться не собирался.

Внешнее кольцо обороны Кёнигсберга диаметром 16 километров и протяжённостью 50 километров включало 15 фортов, аналогичных бастиону “Понарт”, подготовленных к осаде. Радиоуправляемые минные поля, эскарпы, надолбы, траншеи с железобетонными колпаками пулемётных позиций — всё было сделано добротнo, с расчётом на затяжные долгие бои.

Подходы прикрывал 10-метровый противотанковый канал глубиной 4 метра. Внутреннее кольцо из 7 фортов замыкалось трассой Рингштрассе в междуречье Беек и Прегель. В центре — пятиугольная, 200 на 150 метров звёздчатая Цитадель “Кёниг-Фридрих” с гарнизоном в 500 фольксгренадёров имела крепостную артиллерийскую группу “РС” и бронированную защиту хозблоков и казарм. В бункерах Нассер-Гартена и Понарта и в районе косы Фриш Гафт были рассредоточены обильные резервы бронетехники, части 5-го танкового корпуса и танковой дивизии СС “Великая Германия”. Серьёзное сопровождение.

Задолго до начала штурма по распоряжению генерала армии Баграмяна в тронном зале замка Вальдбург на основе оперативных карт разведгруппы Глебова и по данным аэрофотосъёмки Балтфлота, в дощатом коробе на площади 50 квадратных метров была воспроизведена декоративная структура осады города и всех его предместий.

Штабные учения превратили город в ад. Шумы, записанные на магнитофонную проволоку, эхом отзывались в грохоте фугасов, краткая артподготовка смела остатки сонной тишины, и над набережными Беека и Прегеля засновали лодочки Стикса. Внезапно сработала разноцветная подсветка, вспыхнули полшария огнёмётных гнезд, и бурым пеплом засверкали в провалах чёрные бездны амбразур, крашенные йодом и зелёной муляжи сосновых роц, вкопанные танки, перекрёстки баррикад, пустые колокольни...

— Пожары не нужны? — спросил электрик Сомов. — Проводка заискрила.

На брустверах траншей от Большого Каратау до бастиона “Купфертайх” рассыпались янтарные осколки, и в песочнице заматалась ружейная пальба встречных контратак. Что делать?

— А где германская пехота, замурованная в лабиринтах лисьих нор? — вернулся на исходные позиции северный фланг Земландской группы армий начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Ветров. — Тылы отстали! Где лестницы, канаты и подмостки, забросовые тройники, крюки и кошки — где?

— Все лестницы ведут на эшафот, — ответил Глебов. — Надо уяснить задачу, а выполнить или перевыполнить намеченные планы, нисколько не зависит от погоды. Это мы зависим от неё.

— И красных стрел, и синих стрел в планшетах с щёлкающими кнопками развелось тогда немало.

— Аккумулятор сел, — объявил Сомов, и звездопад угас.

По вечерам Глебов ловил карпов за дамбой Нижнего пруда, напротив городской комендатуры. За спиной грелись у костра сбежавшие из питомников Гиммлера нечёсанные, рыжие в подпалинах полицейские овчарки.

Тревожа седую рябь дрожащих волн, всплывали надыхаться сладким дымом косяки и перемёты мартовских ундин, безумные недоросли с фаустпатронами в чехлах наперевес таскались по подвалам, прятались по чердакам.

Мародёры и дезертиры гуляли в чёрных переулках, обходя заставы с блок-постами русских патрулей.

Сам Кант, разумный дух его, блуждающий в нагроможденных диких миражей Домского собора, был бы остановлен строгим окриком бдительных ундин:

— Товарищ, предъявите документы! Что в вещмешке?

Что? Скромные трофеи — прокуренный кальян, сандаловая табакерка и спирт или водка в мятой алюминиевой фляге с мечтами солдафонов всех времён о доме, о любви, о лёгкой ране...

Мотоцикл на обратном пути летел сквозь зоны умолчаний — выдавать огневые флешки упрямым командующий обречённого гарнизона генерал-полковник Хенке остерегался.

И где-то в Росгартенских катакомбах далёкий хор в расход тревожил полночь.

“Эти их самурайские гимны просто нервы выматывают, — думал Глебов, стоя под утро у треугольника слухового окна, затянутого в рейку, — сидели б лучше по квартирам. Бренчать на мюнхенских роялях здесь никому не запрещено...”

Накануне штурма отгремела артподготовка. В паузе грузовики и пароконные обозы удвоили траченный с лихвой боекомплект. В полдень лёгкие дивизионные орудия сорвали с брустверов грунтовую подсыпку, загорелись скатанные маты, ковровые фашины и подъёмные мосты. В паутине маскировочных сетей открылись амбразуры дотов, дзотов и накаты блиндажей, усеянные растяжками противопехотных мин. В хлыстах цепей, по рвам от вывороченных шлюзов хлынула в грязь лавинная вода с болотной смесью мха, дресвы и торфа. Глаза в глаза — о неуязвимой обороне вещала запретельная гроза. И ночь змеилась по снопам ответных молний, унизанная залпами “РС”...

Утром 6 апреля 1945 года маршальский жезл Василевского вывел на прямую наводку 305-миллиметровые гаубицы и 280-миллиметровые мортиры. Город был предан огню. Сдавая бастион за бастионом, в вывалах глыб, в обрубках арматуры исход отборных войск преобразился в бегство. И вслед пугающими факелами шипели змеи ручных и фугасных огнемётов “Фог”. Разрозненные группы фольксгренадёров пробивались к крепости Пиллау, в надежде морем уйти в зону, занятую союзниками. Взахлёб сквозь истерию лживых сводок молил о стойкой обороне и Берлин.

Двухвековая крепость, девятилучевая звезда добротной кладки, осевшая в коренной бетон, перекрывала подступы к вокзалу и Северной гавани. Лавируя в окопанных руинах, в бой вступили батальоны тяжёлых ИСов и КВ. Сдетонировали минные поля. Смешались с проёмами оплавленных бойниц узлы переговорных труб, венткороба, канатные лестницы и башенные туры. Вся осадная оснастка времён Священной Римской империи германской нации распалась в прах. В лязг гусеничных траков бронетехники вплёлся гул надлома громового плуга. Из последнего орудия последний выстрел по последнему врагу.

Где тот капрал, сталинградский ветеран, забравшийся под свод Кафедрального собора?

Где моя рота, где мой взвод? Прощай, моя Германия, прощай...

Вечером после прорыва девятой аппарели генерал-полковник Хенке был убит. Ночью рассыпался Королевский город.

Утром без оглядки на мутный ореол дымящихся окраин, в глубь юго-запада хлынул поток растерянных людей. Чтобы вернуться, город должен был уйти. Ломая строй, в складках суконных одеял, путались в длинных шубах женщины, в слякоти обочин оскальзывались дети, и вели велосипедные тачанки военной выправкой меченые старики, аптекари, лавочники и портные. Давя таранами осевшие барабаны водонапорных башен, порталы терракотовых пещер, рокадные разьезды и ничейные мосты, отход прикрывали чёрные “пантеры” дивизии СС “Великая Германия”.

На привалах у костра, среди мерцающих весенней мглой рытвин в лиловых зеркалах проталин, никто не ведал, что его ждёт. Или не верил.

За горсть таблеток пентацида, за сухари в изъятном крафт-мешке, за потраченный на гитлерюгендовский китель полчас — забежать на похвалу родне, — в Данциге самозванные трибуналы под виселицами майских тополей творили суд и скорую расправу. Фанерный трафарет вещал: “Предатель фатерланда”.

Жизнь — продолжение движения, и стягиваются по распадкам в причудливые ступки изумлений эшелоны прифронтовых госпиталей, на стыках рельс постукивая глухо: она там, она там. Будто не было войны, и содрогалась Вятка, а не Висла.

Киров

День майский, ливень благодатный, в росе из радуг быстрые дворцы. И плавится в черёмуховом зное огромный дом, орнамент чугунного литья проулочной ограды и надпись на известковом панцире столба: “Вход для ветеранов Профсоюза, студентов Сельхозтехникума и детей любого возраста бесплатный. Просьба морковь не дергать и карасей в запрудах не удить”. Подпись — “Дирекция Ботанического сада”.

Врата в Эдам 1941 года чуть приоткрыты. Это навсегда.

— Землеройки норы роют, — говорит отец, оглядывая в бинокль дали с каскадам ускользящих оранжерей. — Пропали суздальские огурцы, вянет рассада.

Полон загадок его мансардный кабинет.

— Пусть я не Дарвин, но, — удивляется Сергей Сергеевич, — не понимаю. Третий год скрещиваю овёс и морозостойкую пшеницу, а всходит, на латыни мягко выражаясь, тускорора. Дикий рис!

Стены из книг, кресло перед зимней печкой, цейсовский микроскоп и пыльные шлифы, скучающие под надзором в перегибах призм и сфокусированных над неясным будущим волшебных линз — вот линия мелодии в оконной бездне тлеющего на закате счастья. Грелись в рыже-зелёных прудах лунные снегири, и по вечерам в бархате ружейного комода бронзовыми гильзами клацал патронташ и зияла воронёными стволами бельгийская курковка в масле.

Но Бельгии было не до нас. Уже Германия отвоевала и Польшу, и половину Франции, и устремилась на Балканы. Как много разных стран!

И в городе сотни, тысячи стратегов гадали врозь по звёздам и крестам, где вспыхнут стрел багровые лучи — в истоках призрачных болот перед Днепром или в пустынях огненных за Волгой.

На сгибах белых карт где-то была и чёрная игла. И Бог молчал — мир был темнее...

В апреле, чтобы учить немецкий язык, а не ставший вдруг ненужным французский, Глебов перевёлся из 10 А в 10 Б, и там сразу заметил Колосову Юлию. Она скучала в одиночестве на самой дальней парте, метко бросая в форточку гремучие, скрученные из фольги с бертолетовой солью шары.

— Нихт шиссен! — возмутился Илья Григорьевич и выгнал Юлию развлекаться в коридор.

— Разрешите выйти, — отправился следом Глебов.

Она сидела на подоконнике, шнуруя китайские порванные кеды, и в зеркальном отражении сиял паркетный лак, фарфоровая кукла и рыжая грива, развеянная в солнечных снопах предгрозового за рекой, исполосованного ветром неба. Какая разница для выпускного бала? И белый танец чёрных лебедей, и звон ручья в овраге, и летейских вихрей воды за плоскодонкой бакенщика, сонная река. Нет — значит нет, да — значит да.

— На мотоцикле хочешь покататься?

— Нам это надо? Скажи, зачем? — И серые глаза её промокли.

Перил спиральные ступени взмывали вверх, падали вниз, в объятия Ботанического сада. Студенты изнывали от науки в учебной духоте оранжерей.

— Странно, мичуринцы тебя не замечают.

— Что с них взять? Юннаты...

Утром, очнувшись на веранде, он слышал шорох миллионов листьев в уютных каннелюрных, лозой подхваченных колонн, возню на голубятне вяхирей и горлиц, шлепки пластин колёсного буксира, толкающего баржи к Дону или в Сталинград. И видел перевёрнутую лодку, в песке косы согретую костром.

Лисьи зрачки внимательно сужались, глядя на снег сквозь тополиный пух. И город стал другим, и мгла была другая, и однажды чёрная картонная тарелка на шкафу вздрогнула и ничего не спела о землемерах жизненных пространств.

На комиссию в военкомат столько возрастов напризывали, что санитары думали: “Как много верст от Бреста до Берлина! Однако Бог не выдаст, ели свинья не съест. Обильна Среднерусская равнина”.

— Дышите ровно. Радикулит мучает? — допрашивали богатырей строгие медсёстры, тревожа присосками стетоскопа сердца вразрыв и души наизнос. — Обувайтесь... В пехоту, что ли, его сдать? Вместе с эдаким помелом через плечо? Нон эверо э бен тровато, рысак в яблоках, проще говоря.

На вопрос подполковника Вольского, имеет ли пристрастие он к гусеничным тракторам, Глебов чётко доложил, что где-то в поле видел сразу три трактора, причём один из них был, к сожалению, колёсным, но зато хорошо знаком с местной мотоциклисткой, и у неё, по правде говоря, лишь два колеса, не считая запасного, — и был немедленно назначен курсантом в 39 Танковое училище.

— Пункт дислокации Высших курсов — Тагил, — уточнил Вольский.

— Понадобитесь — вас найдут, — склонился над чернильницей писарь и выдал предписание на явку и маршрут.

— Нижний Тагил? — переспросил за ужином отец и успокоился. — Смотри там, не разъезжай по ночам на бронетехнике. Особенно где скользкая дорога.

Город замер, присмирел. Ушли за ополчением на запад сборные составы стрелковой дивизии РККА, на взлётной полосе Аэроклуба остались поперечные траншеи с брустверами для учебных атак и щиты для отработки приёмов рукопашного боя: шаг вбок, отскок и прыжок над сплочёнными вязанками истыканного штыками хвороста:

— Ну, что опять? Коли её, коли!

— Обмотки развязались. Разрешите закурить?

И обволакивалась дымчатая школа акациями каникулярно-стриженных аллей. И не утихал сигнальный колокол паромы над звёздами заречных деревень...

Куда спешат ночные поезда, рассыпав по садам гореть бус, рябины драгоценной сон, Русь?

— Что ж, уезжай, если тебе так нужно.

Прощанье без печали, разлука не всерьёз... Мотая головой, садовый сторож тербил двухрядную гармонь, щелчками кнопок вымучивая “Славянку”, и пахотная лошадь стучалась лбом о коновязь в сенном сарае.

— Лучше бы ты пошёл в кавалеристы, скакал бы себе с саблей да скакал!

На вокзале минутная стрелка вздрагивала, толкая часовую в пропасть вагонного окна, читались слева вправо скошенные буквы, потела межкоконная ржавчина стекла, и цена обратного билета ползла в створ строк, в жемчужно-розовый оскал... О, Юлия, и запах твой, и шёлк, прозрачные сырые поцелуи и в речном багровом семафоре дым льда. Куда спешат ночные поезда?

Нижний Тагил

В казарме курсантов одинаково подстригли и после бани всех пригласили во двор, на смотр. Ярко чернеющие комбинезоны, клапаны застроченных карманов, яловые голенища укороченных в раздевалке брадобреями сапог, пехотные страшные ножи и смазанные ваксой португеи превратили штатскую толпу в грозные шпалеры башенных стрелков, радистов и механиков-водителей. Куда шагать?

— Теперь ваша мать — святая дисциплина, а приказ, по совместительству, — отец! — прошёлся вдоль внимательного строя подполковник Вольский. — В спортзал, в кинотеатр, в клуб вагоностроительного или металлургического завода — без спросу — никуда нельзя. Понятно?

— А если со спросом, к ткачихам на вечерний брудершафт? Это реально?

— Реально в болоте лёжа под брюхом танка шкворни гнутые из траков вышибать. Кувалдой...

И точно, вскоре убедился Глебов, как это хлопотно и неудобно, особенно в рождественские или крещенские морозы, когда в рукавицах лёд.

И потянулись дни. На свой закатный час укорачивались ночи.

Сам Бог оттачивал кремниевые наконечники разящих стрел, на картах перед дальними проводами спуталась молниеносная война.

Над океанами трясины, в провалах исчезающих просёлков колыхалась поредевшая транспортная авиация Руделя. Снабжение сократилось.

Продовольствие и тёплое бельё, бухты тросов, клубки верёвок и тяглой сбруи пристяжных лафетных лошадей, бочки бензина и моторного масла, каталитные печи разогрева вымороженных двигателей и глизантин для радиаторов — всё пожирала всхлипывающая бездна.

В начале ноября группа армий “Центр” совсем увязла в глине выстланных хворостом траншей. С неба сыпались пачками пластинки Марлен Дитрих, Вертинского, и старые армейские марши подзуживали заводные патефоны, и над болотами взмывал вдруг “Венский вальс” вразнос с сухими сошками Маньчжурии... Но даже Лидия Русланова со своими валенками никого не утешала, а только раздражала — тут царила грязь!

В окопном перископе фельдмаршала фон Бока мелькали белоснежные тулупы прибывающих из Сибири сталинских резервов. Волна, рождённая волной, — война.

В тылах появились летучие бригады новых советских танков. Они, как призраки, скатывались с безымянных высот, беглым огнём сминали фланги колонн и, оставляя столбы дыма и горящие каркасы грузовиков и артиллерийских тягачей, таяли в инее туманных изваяний, в дыхании невидимых болот.

Тактика рейдов Ротмистрова и Катюкова стала стратегической основой будущих танковых битв на всех полях невиданных сражений в безмолвии проклятий и молитв.

Над ареной сборочных цехов Тагильского завода из дня в ночь, сквозь ночь — в день в рывках конвейера изострялся булатный меч Победы. На струнах строп витали окрылённые станины, гирлянды траков, люков. И скрежет зубчатых шестерён, мерцающих в якорном зале обводов литых башен: “Воин в поле не один”.

И голуби метались в фермах потолочного стекла, играли в контрразведку саблезубые медведи с гроздьями летучих подозрительных мышей.

— Вес без боекомплекта? — удручали Гота и Гудериана слухи в сводках по тактико-техническим данным “тридцатьчетвёрок”...

Вес 26 тонн, ширина гусениц 47 сантиметров, клиренс 40 сантиметров, 12-цилиндровый дизель В-2, мощностью 400 лошадиных сил, бак на 450 литров газойля, запас хода 465 километров, толщина лобовой брони 65 миллиметров, по бортам — 45 миллиметров. И радиосвязь в УКВ и КВ диапазоне.

Уже не надо было командиру толкать механика-водителя в прикрытую телогрейкой спину: правым сапогом — поворот вправо, левым — влево, оба сапога в пару — стоп! Первым стреляет тот, кому везёт.

Пробовал Глебов связаться с Юлей, но таким позывным в эфире места нет. И лингафон шипел, пел эхом в ухо: “Нашли порезанных мотоциклистов. Что делать? — Захорони. — Опять в Новом Иерусалиме скапливается пехота в валенках без шапок. Кто это? — Наверно, штрафники. Побойтесь Бога и туда не заходите. Лучше поглубже окопайтесь у реки”.

И вспоминался полный света полдень, хороводы блажных голубей в арке солнечных ворот. Хорошо отлаженная почта, судя по числам отрывных календарей.

Из Юлиных писем: ‘Правильно ли я пишу на войсковую часть? Она ведь называется учебной. Доучивайся и скорее приезжай, хотя бы в отпуск. Ты где? А я работаю на фабрике, шевроны пришиваю к гимнастёркам, главное — рукава не перепутать, не то талоны другой какой-нибудь портнихе отдадут. Нас тут много, сколько именно — военная тайна: 128 человек! Дрова резко подорожали, их печники развозят на тачках по дворам’.

Примечание цензуры: “Зимой подешевеют, а там ан глядь, уж за окном весна!” Далее пара слов зачёркнута, излишние слова.

“Фонари в переулках не горят, но изредка моргают, тогда до проходной бежишь — легко бежать, на юг двигаются колонны или в твою сторону на юго-запад, дороги знают, где тебя искать.

Институт закрыт. Открыт пункт приёма ценных вещей для фронта. Я отнесла рубиновые бусы, которые ты мне подарил. В другой раз сдам сумку и перчатки... Тебе не жалко?

После пожаров на Химзаводе садового сторожа арестовали и отпустили, ведь он глухонемой, хотя и любит музыку. Я рада.

Фонтан перед колоннадой Драматического театра иссяк. Геракл разоблачился: под позолотой — гипс, под гипсом — арматура...”

Далее следовал лист, размалёванный цензурой, и Глебов думал, что манит чужеземцев — торговые маршруты или “домашние зверьки”, как деликатно обозвал мышей вздох треугольного конверта? Надо ли ради того париться в бочке, вывешенной над костром, и спать в продувной палатке на берегах Днепра или Аида?

*Ну почему, расскажи, я не знаю,
древнюю песню, известную всем,
как поседела трава золотая,
и полюбил — неизвестно зачем.*

Не нашего ума это дело, такое же сложное, как жизнь, которую сотворил Бог. И никому Он ничего там не дарил, вот что никак не объяснимо.

На подступах к Москве

В середине ноября просёлки подмёрзли, и армии фон Бока выстроились фронтами на восток.

“Воюем с привидениями. Русские везде!” — отметил Гудериан в журнале боевых действий.

Наступление свелось к неуправляемым стычкам, схваткам наугад, в мутных метелях и на исходе сил. Русским резервам предела будто и не было.

В глуши лесной лампы несметных деревьев и медленный в ладонь иней распахивался и наращивал кристаллы — тебя никто не ждёт, никто не ждёт, никто. Сталин спал спокойно. И вскакивал по ночам с армейской койки архитектор, истинный астролог: Москву не трогать, город оставить мне!

В изморози танковых цейсовских прицелов угасали звёзды непостижимого Кремля. В пятницу 5 декабря, выждав свою погоду, двинулись в контрнаступление войска Калининского фронта, 6 декабря — резервисты Западного фронта. Ну и, конечно, битву возглавил Жуков, бригадный генерал с замашками маршала, что Сталин сразу же подметил. Конев, Катуков, Говоров и Рокоссовский действовали эффективно и оперативно — так диктовали вставшие из снегопадов русские полки.

Огненные вьюны запылали в охвате мёрзлых группировок гренадёров. Славная пехота зыбилась в бревенчатых объятьях тишины над безднами гремучего разлома восточных правил западной войны, такой невыносимо молниеносной, как лезвия в торосах вскрытых рек. И множилось укрепрайоны на болотах — Ржев, Вязьма, далее млея Смоленск, Брянск, Витебск, — расположанные трассерами РС грядущие котлы парящих в поднебесье бастионов.

И снова лыжники, лазутчики, ледяные перекаты... и в хороводах — танки и самоходные артиллерийские установки невероятного 120-миллиметрового калибра, и полевые кухни: “Нет ли чего поесть?” Велика ты, Московская земля. И порядок в тебе — есть!

Сталинград

Гитлеру Сталинград нужен был как база для внезапного броска групп армий на север, в направлении на Саратов и Казань. Цель — окружить Москву и послать, переадресовать ударные танковые армады на восток, к Уралу, за Урал, в вожделенную Сибирь. Байкал, Амур, Тихий океан... Ну, и так далее, хотя и не очень близко.

— Рейх обеспечит себя нефтью на века! — сообщил Гитлер Клейсту ещё в марте. — Каждая часть в преддверии летней кампании должна быть доукомплектована и перевооружена. Солнце Германии для нас всегда в зените!

Для нейтрализации штурмовиков ИЛ-2 и ИЛ-4, ставших к тому времени грозой скоплений бронетехники, в танковых дивизиях появились укрупнённые по штату батальоны 88-миллиметровых зенитных орудий “ур-ур”, как их окрестила окопная пехота. Мотоциклистов упразднили. Дивизии СС получили гусеничные транспортёры с бортами из бронеплит. Мотострелки БТР стали называться “панцергренадёрами”. На танках Т-III и Т-IV установили длинноствольные орудия 75-миллиметрового калибра, и в каждом батальоне ввели четвёртую роту.

Сообщение Гальдера о том, что танковые заводы Германии выпускают всего сто Т-IV в месяц, а русские умудряются собрать на своих конвейерах семьсот(!), Гитлера не смутило:

— Скоро у нас будут другие, невиданные танки. Нужен лишь металл и уголь. Донбасс... и Сталинград.

Успех был неожиданным, и Гитлер ликовал: сокрытый по землянкам и подвалам, жив был боевой дух его панцергренадёров.

Для командующего 6-й армией Паулуса, подступившего к Сталинграду с юга, экспозиция осложнилась. Шли уличные встречные бои. Город горел. Советские войска окопались по извилистым ходам пещер и тоннелей правого бугристого берега. До осени, почти до ноября штабные карты оставались без изменений...

От Юлиных писем было ни весело, ни грустно: “Заканчиваю курсы медсестёр. Нас мало, но дежурств хватает. Морфий разносим по ночам. Легко бинтовать уживчивые души. Говорят, мои перевязки самые полезные, в перекиси водорода плазменная кровь вскипает и без солнца. Ты думаешь, у меня большое сердце? Нет, если я тебя люблю. Так проще”.

Глебов оглядывал казарменные койки, цветы до востребования небу возвращал в давяльно вагонных колёс.

Жуков, как скупой рыцарь, хладнокровнее, чем под Москвой, сводил резервы до явного перевеса сил. В тылу между Говорило и Саратовом скопилось уже 30 полевых дивизий и танковых бригад. Оперативных подкреплений в борьбе за выходы к Волге едва хватало для покрытия потерь.

Член Военного Совета Хрущёв предлагал немедленно сократить программу подготовки младшего командного состава и отправить освободившийся контингент в пехоту: “Пускай доучиваются премудростям боевой науки в естественных условиях, на передовой. Не с этого ли и мы когда-то начинали?”

— Оно и видно, — побарабанил Жуков пальцами по столу так, что стаканы в подстаканниках звякнули и надолго замолчали...

— А я согласен, — кивнул Чуйков, командующий Сталинградским фронтом. — Понохать пороху — мечта выпускника, особенно танкиста.

— Спешить не будем, — раскурив трубку, окутался клубами дыма Сталин. — Для победы нам нужны грамотные, элитные войска. Гвардия нужна для окончательной победы!

Ждали своего часа и курсанты артиллерийских, танковых и инженерно-сапёрных школ. В прохладе неожиданных ночёвок, дозаправок, контрольных стрельб и маршевых бросков по тупикам топографических шарад недели отлетали, тралами укатывая заминированные пустоши, и звёзды на погоны падали, пересекали чёрствые, хрустящие в планшетах облака, оказалось — за рошами выбеленных труб маячили на горизонте зарницы исчезающих пожаров. Заря вела зарю.

И возвышался перемётный мост до танкодрома от Тагила, менялись, притирались экипажи, лязгали огненные люки, рассыпанные по окопам и курганам в лезвиях струй отточенных борозд, достаточных для Прохоровского поля.

На юге фронт противостояния советских и немецких войск раскинулся на сотни километров от станции Котельниково до Волги. В ноябре Паулюс сосредоточил свою осаждённую армию в охвате: две танковых и две гренадёрских дивизии — на северном фланге, три танковых и две пехотных дивизии на южном фланге. В центре были задействованы девять моторизованных и полевых дивизий.

Вместо 120 тысяч прижатых к Волге солдат и офицеров 6-й армии Жуков имел теперь в ориентирах внешнего обвода ещё 150 тысяч свежих бойцов, 650 танков, 800 орудий и 600 самолётов авиасопровождения.

Оценив обстановку, Жуков предложил разъединить и уничтожить обе группировки. Рокоссовский подумал и добавил:

— По частям. Так им и надо.

Сталин сказал:

— Рано...

Условий для решения этой грандиозной задачи пока не существовало. Установилась пауза. После недолгих размышлений Манштейн развернул стратегическое направление зимней кампании на 180°, с востока на запад.

12 декабря блистающие инеем танки Гота вышли к переправам на Аксай. Операция “Зимняя гроза” началась.

За действиями Воронежского, Юго-Западного, нового Донского и Южного развёрнутого фронта просматривался фантастический, устрашающий замысел Ставки Сталинского Верховного Главнокомандования — сокрушить согласованным ударом весь южный фланг немецких войск. Сверх-Сталинград для миллионного “котла”, для восьми окружённых в калмыцких степях у Среднего Дона армий — вот цель, сравнимая по славе и масштабу с изгнанием из России орды Наполеона! В конце января Сталинград был сдан.

Юлия писала: “Госпиталь перевели в дивизионный медсанбатальон, вплотную к юго-западному фронту. “Самое трудное дело — подранков в ночь по сугробам на плащ-палатках выволакивать из ничейной полосы. Немецкие санитары бродят с фонарями во лбу, своих из без вести пропавших на санках, подбитых кровельным железом, тянут домой, в Германию зовут.

Я знаю, ты меня легко найдёшь, запомни, — звенела снежная лавина, — эшелон № 1410”.

Избегая окружения, русские войска отошли на Север. И Ставка Верховного Главнокомандования сыпала с неба в свои тылы техасскую тушёнку, сигареты “Кэмел” и добротное обмундирование со штампами на сукне “джи-ай”. Теперь Рузвельт тоже воевал на стороне сталинских солдат. Он хотел войны.

Операция “Цитадель”

Где-то шумела талая вода, и в тёмных всплесках замыслов бродила и просматривалась одна стратегия, трагедия — не упустить инициативу. Последнее усилие — кончится война!

Борьба с распутицей обернулась битвой мнений. Гитлер колебался.

Командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал фон Клюге: “Наступательный порыв Сталина должен быть нейтрализован. Время работает на Советы. Войска простаивают”.

Начальник Генштаба сухопутных войск ОКХ генерал-полковник Цейтцлер: “Три тысячи единиц бронетанковой техники пребывают в бездействии. Надо выступить!”

Начальник Штаба оперативного руководства ОКБ генерал-полковник Йодль: “В Средиземноморье складывается кризисная ситуация. Использовать резервы преждевременно”.

Командующий группой армий “Юг” генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: “Дальнейшее промедление недопустимо...” И здесь Эрих фон

Манштейн пожалел, что брал отпуск в марте для лечения катаракты. Болезнь не имела осложнений. Вышло из-под контроля лишь оперативно-тактическое развитие контура операции “Цитадель”.

Командующий 9-й армией генерал-полковник Модель: “Танки Т-IV и Т-3 не имеют защиты от новых русских противотанковых ружей 20 калибра. Кто займётся этой проблемой? Срочно”. Командующий танковой армией генерал-полковник Гот: “Сказано — сделано, приказ есть приказ. Пехоты нет. Верните пехоту”.

Министр вооружений Шпеер: “В конце мая будет выпущено примерно 100 “тигров”, 300 “пантер” и 2-3 батальона сверхтяжёлых САУ “фердинанд”.

Гитлер: “Нельзя ли выразиться поточнее?”

Генерал-инспектор бронетанковых войск Гудериан: “Надо наладить производство навесной бронезащиты. “Тигры” пойдут в бой, как на парад!”

— Парады у нас в воздухе зависли, — откомментировал генерал-инспектора генерал-фельдмаршал Клюге.

После ротации в должностях, по результатам битвы под Москвой, они мягко говоря, недолюбливали, косо глядели друг на друга, и однажды Клюге даже спросил позволения у фюрера вывести Гудериана к барьеру: “Хочу дуэль!”

— На мушкетах? — посмеялся Гитлер. — Лучшим солдатам лучшее оружие? Костей не соберёшь...

В тот вечер он уже съел тринадцать, по числу гостей, пирожных и приглядывался к тарту с пальмовой ветвью из вегетарианских леденцов, когда из-под стола выскочил толстолапый, с хвостом до пола щенок с огромными стоячими ушами. Торт с хрустом раскусился и исчез.

— Моя выучка, — огорчился фюрер. — Завтра нам будет принадлежать половина Евразии, а через неделю — вся! Земля...

К сожалению, сведений об этом бескалорийном ужине места в архивах так и не нашлось.

В конце июня 1943 года батальоны обещанных вермахтом Моделю и Готу “тигров” и “пантер” прибыли к Курскому выступу. Поводов для промедления с наступлением не осталось.

1 июля на совещании высшего командного звена в Вольфшанце Гитлер снова подчеркнул:

— Грядущее наступление необходимо для сохранения инициативы, а точнее — её обретения в этой опасно затянувшейся войне. Должны же быть пределы и поставкам западных “союзников”, и неисчерпаемым резервам Сталина. Победа в Курской битве факелом просияет для всего мира! Важна внезапность и решительность. Удача капризна, но мы схватим её за подол!

— Как бы этот подозрительный подол не оказался парашотом, — блеснул Гот солдатским юмором. — Не загреметь бы с облака в болото.

Кто его слушал? Никто его будто и не слышал, однако агентура в “Волчьем логове” сработала безотказно. Уже 2 июля Ставка Верховного Главнокомандования предупредила Центральный, Степной и Воронежский фронт о немецком выступлении на поля сражений 3–6 июля.

Перебежчики рассказали про сухой двухсуточный паёк, выданную и разлитую по флягам водку и про зачитанное накануне воззвание фюрера: “Солдаты рейха! Грядет начало битвы, которая решит исход войны. Любое сопротивление Вермахту бесполезно. В пыли наших знамён да воссияет слава”.

Центральный фронт генерала Рокоссовского замер, будто ночь — тьмой в атаках захлебнулась.

Юлины сообщения — фронтовые сводки, а почта колесила по тылам. “Сижку одна в вагоне. В стороне Орла видны фиолетовые вспышки. Идём за ранеными в Курск или до Обояни.

Нам ведь ничего не говорят. Начальник эшелона злится, когда рация немеет.

Вглядываюсь в окна — точно такой же поезд сквозит над рельсами. Стыков будто нет, иначе не пружинили бы шпалы.

Я думаю — ты рядом? Вокруг обетованные просёлки, стебли из росы, рябиновые бусы, пехотные колонны в стоптанных пыльных сапогах. Двойное зрение, войска перемешались...

Травмы при артобстрелах самые ужасные. Но Курск молчит, и Обоянь молчит. Так Богом велено, мы — тени перед Богом”.

В капкан для Советов должна была превратиться Курская дуга! По мнению командующего группы армий “Юг”, свежих подкреплений Сталин мог не ждать. Их просто нигде уже не было.

Из глубин рассвета — бурые шлейфы, облака заматались по следу будто сорвавшихся с привязи танков, выстроенных уступами в параллелях растянутых колонн.

Вспыхнули в биноклях рощи, рассечённые оврагами долины, озёра, полные серебряной воды, стога прессованной соломы, приземистые, крытые тёмным сараи, фермы и амбары, огороды и поля зреющей в утреннем зное, прохладой упоённой, позолоченной сиянием пшеницы.

— Сидим и курим, — приказал Глебов своему разведзводу. — Отставших нет? Не понимаю, что тут ждать...

Солнце падало и туман отхлынул на юго-запад, облекая черные мундиры, доспехи крестосцев, угловатые обводы “тигров” и усечённые конусы низкобашенных “пантер”.

Урчали взвинченные на холостом ходу моторы, сдержанно напрягались отшлифованные гравием и супесью гусеничные траки, и в котловине Прохоровского поля среди теней ореховых ветвей вздымалась, взрастала железная мерцающая зеницами оптики орда с штандартами на катушечных УКВ антеннах.

Прекрасно налаженная радиосвязь с командирами дивизий бездействовала — всё шло по плану, и тишина в наушниках молчала. Взлетев к уступам насыпного гребня пирамиды, разведзвод замер.

В пурпурной пене закипевшего котла хрипел и надрывался то властный, то глухой после краткого ливня бас Ротмистрова. Непонятно было, где носится его летучий, с задраенными люками танк:

— Бейте в зазор, в подрез, в упор.

Сорванные с шестерён поворотного механизма башни “пантер” и “тигров” откидывало в сторону, как при детонации боекомплекта, и в нитях заоблачного пепла истребители и штурмовики Деслоха оглядывали безымянные высоты: “Кроме Прохоровского поля, за холмами ничего здесь нет!”

Хищные “тридцатьчетвёрки” зигзагами рыскали в июльской духоте, преследуя медлительные на разворотах, непревзойдённые, как уверял Гитлер, “Т-V” и “Т-VI” — чудовищные танки.

В спирали вечности все времена кругами, и там сражались не за мировой порядок, а за Отечество, сокровище своё.

Под вечер, пятясь и переваливаясь с боку на бок, за пядью пядь перемалывая клыками гусениц распадки впадин и бугры, танковая армия Гота ушла окапываться на позиции перед Обоянью.

Оперативная группа “Кемпф” увязла на переправе. Росой обернулся ржавый в небе гром!

Ночью в пустыющих долинах воцарилась мгла. Ремонтные бригады прибирали разутые до катков остовы трофейных “Фердинандов”. Сотни обезоруженных экипажей шатались, переходя от костра к костру вразброд: “Где полевые кухни?”

— Ешь тушёнку-то, кушай, чего её жалеть, канадскую такую.

— Как это мы ловко их отбросили. Рывком отволокли.

И звёзды падали, и тысячи невесомых душ шептали крыльями в тлеющих венках, в бурьяне.

Кто эту ночь вспомнит лет через сто? Забудь...

Рядами уставленные на перроне парусиновые койки редели, когда паровоз шипел, сдувая клапана: “Нельзя ли побыстрее?” И тогда выламывались узкие тамбурные двери, взенели выдавленные стёкла, носилки встряхивались и вздымались на уровень разбитых окон. Погрузка шла неведомо куда! Там, на линолеуме исцарапанного пола, лежали ангелы, плотно сомкнувшие под-

крылки с горбатыми тенями в два крыла. И женщина бродила по вагонам, чуть прикасаясь к чёрному сукну: “Бог мой, неужели... Нет, это не мой, это другой”.

И все, даже прикованные к скатам гусеничной пылью, смотрели в бездну, в серые глаза. И не тускнеют белые рубахи, пока сияет Прохоровское поле, пока блистает дальняя гроза!

Днепр

— Уничтожение группы армий “Юг” — залог Победы, Сталинград на Днепре! — заклинал Сталин свои усталые, но одухотворённые войска.

В отвоёванных областях были мобилизованы все возрасты осеннего призыва, способные носить оружие и наскоро обученные приёмам рукопашного боя.

Только в полосе наступления Степного, Юго-Западного и Южного фронтов в начале осени Ставка Верховного Главнокомандования “поставила под ружьё” 100 000 человек. Это была народная, воистину Отечественная война, опасная для Германии и гибельная для вермахта.

1 июля 1943 года Гитлер оговорился в Виннице на совещании командующих армейскими группировками генералов:

— Не надо было подавать отдельным народностям дикой России напрасные надежды на равенство. Какое братство? Цель этой войны — трофеи и рабы, пространство для потомства, для детей и внуков. Наш солдат должен об этом знать. Быть может, зря мы не ставили себе напрямую материальных целей. Главное — земля...

Никто даже бровью не повёл, ведь генералитет рядился в кружева пелёнок солдафонского романтизма образца 1914 года. Теперь не до поэзии с батистом! Не топить же боевую технику в прудах Потсдама, в гнёздах лебедей.

Сталина надо было не только обезвредить, Россию надо было обескровить, а оставленную территорию превратить в пустыню. То, что нельзя было вывезти — дорогу, мост, дом, лес, — надо было взорвать, сжечь, разорить.

От взорванной плотины Днепровской ГЭС, за ориентирами пристрелянных высот, из глубины предместных укреплений явственно следовало: река была неодолима, и за прибрежными холмами роилась тьма в дыму.

Блуждая в хаосе отвоёванных дорог, разведгруппа Глебова видела выступающие из месива перепаханых обочин, вывернутые к небу лица, маски, объёденные лисами за оврагами в безветрии Донца. Смерд тления или мёд зноя, струистый жар с выюнами из безглазого свинца.

Ватник, накинутый на люк, грел спину, и холодок души пронизывал, когда в периоде полураспада мухортая кобыла косилась на выдавленного из утробы, зализанного солнцем жеребёнка, шатко шагнувшего за колонной. Сон в бреду.

Подняв голову, что видела она? Зачем смотрела на это чудо с ледяной звездой во лбу, когда он вдрут помедлил и вернулся...

Катастрофа

Не веря звёздам, Гитлер полагал, что русские готовят марш-бросок из Галиции через Львов, Брест и Буг в Данциг или в сердце Германии — Кёнигсберг.

Всего лишь 600 километров — и померкнут над фюрером шпиль и башни Королевского Города...

— Соберите побольше войск на перехват, — гипнотизировал Йодля тревожный взгляд. — Русский трёхглавый змей не устоит против моих доблестных солдат!

Рок рассудил иначе. Главный удар был нанесён по правому флангу Припятьской поймы, в 450 километрах от расположения группы армий “Северная Украина”.

Напрасно Ставка Верховного немецкого Главнокомандования отправила в Галицию, в группу армий генерал-полковника Моделя все наличные резервы — четыре танковых корпуса, восемь танковых и две механизированных дивизии.

22 июня 1944 года 1-й Белорусский фронт под началом Рокоссовского начал наступление на укрепрайон Бобруйска, там, где его не ждали — через непроходимые болота, через наскоро настланную гать.

29 июня осаждённый бастион сдался. Крупный транспортный узел был нейтрализован, на подъездных путях остались госпитальные составы с 5000 раненых, брошенных на произвол войны.

1 июля на северном крыле группы армий “Центр” 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронт, поддержанные 5-й Гвардейской танковой, вместе с армией Ротмистрова вошли в междуречье Днепра и Двины, миновали Витебск и с боями через Сенно, Толочин и Борисов устремились в Минск, центр западной России.

3 июля Минск был освобождён. В Москве Сталин отметил свою победу праздничным салютом.

5 июля войска 3-го Белорусского фронта завладели транспортным узлом Молодечно и устремились к столице Литвы — Вильнюсу, где в позолоченной клетке отсиживался Цербер Восточной Пруссии, бряцающий цепью за воротами в раю.

Перехватывая отступающие части и соединения 3-й танковой армии генерала Рейнгардта, группа армий “Центр” готовила город к долговременной в окружении обороне. С второстепенных участков фронта, из Германии сюда ускоренным маршем двигались шесть свежих, полностью укомплектованных дивизий. Назревала ситуация, подобная битве при Ватерлоо.

Опережая подход штурмовых колонн, наступление на город начала с северо-востока 5-я общевойсковая армия. С юго-востока нанесла удар 5-я Гвардейская танковая армия. Передовые дозоры резервистов появились в пригороде, когда гарнизон укрепрайона был полностью блокирован. Десант парашютистов был развеян и без поддержки на земле пленён.

Связка ключей от рейха уже брэнчала на жерлах башенных орудий гвардейцев Ротмистрова.

Впереди был Кёнигсберг.